

История философии

14. Этика Аристотеля.

Автор: доктор Артур Холмс из Уитонского колледжа.

Мы начали с того, что философия Аристотеля во всех областях является телеологической. То есть существуют определенные естественные цели, которые представляют собой надлежащее функционирование того, о чем мы говорим. Следовательно, для развития этики Аристотель рассуждает о человеческой душе и о том, каковы ее надлежащие функции.

И это предполагает различие, например, питательной функции того, что он называет вегетативной душой, чувствительных сенсорных функций, сознания, чувств животного, рациональной функции рациональной души, которая, конечно же, является отличительной чертой, выделяющей человеческий вид среди всего остального, — рациональной души. Таким образом, в силу его телеологии, следует, что благо — это правильное функционирование, или, как он выражается, полноценная жизнь в соответствии с разумом. И, параллельно, в соответствии с добродетелью.

Потому что добродетель — это просто правильное функционирование. Не знаю, заметили ли вы эту странность, но когда меня спрашивают, как у меня дела, я отвечаю: «Всё хорошо, я функционирую». А они говорят: «Ну, пожалуй, это уже начало».

Или это всё? На что я отвечу, говоря аристотелевскими терминами: это очень хорошо. Всё работает как надо. Попробуйте сами.

В общем, суть в том, что добродетель, как её определяет Аристотель, — это просто хорошее функционирование. Правильное функционирование. Функционирование в соответствии с внутренней целью, конечной целью.

Видите ли, речь идёт о том, что мы, предположительно, реализуем в полной мере свой человеческий потенциал. А именно, полноценную жизнь, прожитую в соответствии с разумом. Поэтому понятие добродетели в этом отношении довольно простое.

Греческий термин «арити», обозначающий добродетель, имеет более широкое значение, возможно, даже более свободное, чем наш термин «добродетель». Арити может просто означать совершенство или качество. Таким образом, добродетельный человек — это тот, кто обладает человеческим качеством.

Видите ли, это человеческое качество. Вся жизнь, прожитая в соответствии с тем, что является отличительной чертой человеческой природы. Человеческое качество жизни.

Функционирование человека должно происходить именно в этом смысле. Совершенство. Следует помнить, что добродетель связана со всей жизнью, как с внешним поведением, так и с внутренним миром.

Мотивация. Намерение. Отношение.

На самом деле, говоря о добродетели, обычно рассматривают её как моральные установки. Установка — это то, что предрасполагает к определённым видам поведения. Понимаете? То есть, именно внутреннее функционирование предрасполагает к правильному внешнему функционированию.

Иными словами, добродетельный человек руководствуется внутренними силами, а не просто реагирует на внешние раздражители. Руководствуется внутренними силами. Идет, ну, от сердца.

Фразы Нового Завета. Направленные внутрь. И тут же возникает вопрос: если это правильное функционирование, то как нам приобрести эти правильные функции? Как нам реализовать эту способность к функционированию как людям? У нас есть эта способность, этот потенциал.

Как это будет реализовано на практике? И здесь проявляется акцент Аристотеля на привычке и формировании привычки. Потому что устойчивое расположение духа — это то, что в одной из недавних книг назвали привычкой сердца. Понимаете? Привычка сердца.

Итак, как же сформировать привычку сердца? Это очевидный вопрос. И когда Аристотель отвечает на него, он говорит о том, что сегодня мы называем моральным развитием. В настоящее время ведётся большая работа в области теории морального развития.

А если речь идёт о развитии характера, то, скорее всего, это будет опираться на слова Аристотеля о развитии добродетелей, потому что характер — это всего лишь набор добродетелей, объединённых каким-то образом. Понимаете? Ну, набор добродетелей или пороков. Хороший характер против добродетелей, конечно.

Итак, вопрос о формировании привычек: почему? Ну, если мы говорим о полноценной жизни, прожитой в соответствии с разумом, то, предположительно, это должна быть привычка, формирование которой было

рационально обосновано. В противном случае это не будет склонностью, соответствующей добродетели. И поэтому, по сути, он говорит о необходимости обдуманности и выбора.

Решение. Иными словами, в том или ином виде, когда требуется принять решение, когда есть два пути, по которым следует пойти, или еще несколько путей, что же мне следует сделать? Размышление о целях, которые определяют, что представляет собой хорошее функционирование. Размышление о целях и о средствах достижения этих целей.

И выбор, сделанный в соответствии с этим обдумыванием. Однако, сделав это один раз, не получится привычка. Он выражается так: « Один воробей не делает лето ».

И одного дня недостаточно. Нет, но вам нужны повторяющиеся решения, повторяющиеся выборы, повторяющиеся выборы, основанные на обдуманном решении, снова и снова, пока это не станет ментальной привычкой. Именно повторяющиеся мысли, обдуманные действия делают это привычкой.

Теперь вы задаетесь вопросом о некоторых привычках, которые у вас выработались. Когда вы садитесь за руль автомобиля, это становится неосознанной привычкой. Но как это произошло? Из-за размышлений о том, что нужно делать для правильной работы автомобиля, и принятия соответствующего решения.

Видите ли, это верно и для физических привычек, и для умственных привычек, и для развития дисциплины ума. Помните о цели, о средствах достижения цели, затем о принятом решении и действуйте соответственно. Итак, формирование привычек.

В то же время он понимает, что у некоторых людей с этим возникнут проблемы. Потому что формирование подобных привычек требует самодисциплины. Или, если хотите, самоконтроля, добродетели умеренности.

Как обрести умеренность, если её ещё нет, и ведь умеренность необходима, чтобы обрести умеренность? Видите, в чём замкнутый круг? Они страдают от того, что он называет акрасией, слабостью воли. Им не хватает настойчивости, внутренней решимости, чтобы принять решение и придерживаться его.

Слабость воли. Таким образом, в случае с людьми, неспособными управлять собой разумом, такими как маленькие дети и другие, которые, по его словам, по природе должны быть рабами, ими приходится управлять разумом других людей. А в процессе воспитания детей правильные функциональные навыки прививаются просто посредством дисциплины.

Но именно в этом, как вы увидите, заключается его признание моральной несостоятельности человека. У Платона, помните, вопрос, рассматриваемый в контексте крылатых коней, состоит в том, как контролировать желания, своеволие, страсти, которые невозможно контролировать. Ими должен управлять разум.

А если индивиды недостаточно рациональны, чтобы руководствоваться собственным разумом, как, например, алчный класс ремесленников, то ими должны руководить другие. Таким образом, Аристотель в этом отношении очень близок к Платону. Но, конечно, вопрос в том, как проходит обсуждение.

Что это за процесс обсуждения, который он способен направлять? Обсуждение устроено таким образом, что мы ищем золотую середину между крайностями. Иными словами, если добродетель — это правильное функционирование какого-либо аспекта человеческой души, какого-либо аспекта личности, то определенная личностная характеристика, черта характера может быть в избытке, слишком много, несбалансированной, или в недостатке, слишком малой. Таким образом, мы стремимся к такому качеству жизни, которое не является ни избыточным, ни недостаточным, а находится в середине, в рациональной середине, в равновесии.

Итак, роль обдумывания заключается в поиске баланса. Теперь вы можете увидеть, как это происходит, если еще раз взглянете на его взгляд на душу и на то, как она функционирует. Если мы говорим о вегетативной душе, вегетативной жизни, то основные функции — это питание и размножение.

А хорошее функционирование в этом отношении имеет своей конечной целью физическое здоровье. Понятно? Физическое здоровье — это благо. А с другой стороны, есть еще и животная душа.

В этом отношении его внимание сосредоточено, в частности, на чувствительных, сенсорных функциях. То есть, в особенности на осознанных чувствах, эмоциях и желаниях, на аппетитивном аспекте. Именно правильное функционирование этих функций порождает то, что он называет моральными добродетелями.

Нравственные добродетели, в которых аппетиты, желания и эмоции находятся в равновесии. Ну, конечно, есть еще и рациональная душа. С ее функциями мышления и речи, с ее способностью творить.

И здесь вам нужны именно соответствующие функции: интеллектуальные добродетели. Добродетели интеллекта. И среди добродетелей интеллекта он выделяет две.

Одно — это практический разум. Хотя нет, практическая мудрость. А другое — это созерцательная мудрость.

Хорошо? Практический разум, созерцательная мудрость. Теперь о чувственной жизни. Чувства, желания.

Эти чувства могут быть слишком сильными или слишком слабыми. Избыток — недостаток. Нам же нужно чувствовать всё, что мы делаем или желаем, в нужное время, по отношению к нужным объектам, к нужным людям, с правильным мотивом и правильным образом.

Вот это и есть баланс, понимаете? И именно к этому вы стремитесь в процессе принятия решений. Например, испытывать гнев в нужное время, обращаясь к нужным объектам, к нужным людям, с правильным мотивом и правильным образом.

Понятно? Чувствовать голод. Чувствовать голод. Чувствовать голод.

Руководить этим в нужные моменты, и так далее, и так далее. Таким образом, это становится вопросом наблюдения, руководства и контроля над эмоциональной жизнью. Моральные добродетели.

И, читая Аристотеля, вы замечаете всевозможные добродетели, о которых он говорит. Например, добродетель мужества; избыток этого качества означал бы безрассудство. Недостаток — трусость.

Добродетель щедрости. Знаете, это умение отдавать людям. Недостатком же является скупость, жадность.

Излишество, расточительство, неразумное использование ресурсов.

Понимаете? Таким образом, золотая середина между крайностями, с точки зрения правильного функционирования, определяется как поддержание эмоциональной жизни в надлежащем равновесии. Хорошо? Помните, что еще у досократиков понятие рациональности, справедливости и правильного порядка вещей всегда основывалось на равновесии и пропорции.

Хорошо. Он развивает эту тему в этом направлении. Можно спросить: а какое место занимает удовольствие в нравственной жизни? И он затрагивает этот вопрос в нескольких местах своей «Никомаховой этики».

Он прямо заявляет, что удовольствие — это не то же самое, что счастье. Счастье, конечно, — это нормальное функционирование, благополучие. Удовольствие же — это скорее эмоция, чувство, которое может быть в избытке или в

недостатке по отношению к неправильным вещам в неподходящее время, и так далее.

Проблема удовольствий в том, что они непостоянны, зависят от внешних событий, во многом неподвластных нашему контролю. Существует множество различных видов удовольствий, имеющих разную моральную ценность. Поэтому удовольствие не может быть высшим благом, если мы оцениваем удовольствия по какому-либо другому стандарту, если удовольствия имеют различную моральную ценность.

В конце концов, есть удовольствие в прогулках по городу, и есть удовольствие в чтении Аристотеля. Эти две вещи имеют разную моральную ценность, и так далее. Нет, на самом деле, его моральная психология такова, что удовольствие — это не цель, к которой нужно стремиться, а скорее побочный продукт, результат достижения определенных других целей, понимаете.

Вы можете быть настолько поглощены размышлениями о том, стоит ли тратить деньги на этот восхитительный ужин в ресторане, что, когда все закончится, вы уже не будете уверены, что получили удовольствие. Удовольствие заключается в самом процессе, а не в конечной цели, а в его самоцели. Это побочный эффект.

Итак, два других момента, на которые нам следует обратить внимание в этом вопросе нравственного развития, связаны с функцией правительства на месте искусств. Потому что Платон считал, что и то, и другое способствует совершенствованию души. Аристотель тоже так считал.

На самом деле, это характерно для политической теории вплоть до таких мыслителей, как Макиавелли. Возрождение идеи о том, что функция правительства должна быть связана с благом, а не с властью, с благом. Таким образом, Аристотель рассматривает правительство с точки зрения человеческой цели, и он определяет человека не только как разумное существо, но и как социальное существо, существо общества.

По своей природе мы — социальные существа, говорит он, и это, в переводе, звучит как фраза «по природе». На греческом это просто слово «фусай», одно слово. По природе.

Конечно, он превозносит всю значимость своей телеологии. Всё в природе имеет свою конечную причину, свой телос, свой конец, понимаете. В силу своей природы, своей сущности, своей формы.

По своей природе люди — социальные существа. Социальное поведение является неотъемлемой частью нашей сущности. Мы не можем нормально функционировать, если не являемся социальными существами.

Мы не можем нормально функционировать в изоляции. Понимаете, Аристотель никогда бы не написал «Робинзона Крузо». Даниэль Дефо знал, что делал.

Он был социальным философом XVIII века, жившим в эпоху индивидуализма. И если почитать критические работы о Дефо, всё станет ясно. Дефо изображает самодостаточного, рационального человека, одинокого на своём острове, со своими козами и своим богом.

Коз, конечно же, он приручает, подчиняет их правилам разума, как и положено животным. А когда приходят дикари на свой каннибальскую трапезу, он, конечно же, не хочет иметь с ними ничего общего. Более того, он спасает Манфреди и строго следит за ним, пока тот не станет достаточно рациональным, чтобы у них мог заключить общественный договор.

Прибывают испанские моряки. Они недостаточно рациональны. Он им не доверяет.

Английские моряки прибывают, общественный договор и то, как они плывут к более социальной жизни, понимаете. Но Аристотель никогда не смог бы написать об этом, потому что представление об изолированном человеке, находящемся в одиночестве на своем острове, не осознавая этого, относится к социальным существам. Это социальные существа, находящиеся во взаимозависимости, и человеческое благо в обществе достигается только благодаря правильному функционированию общества, а не только отдельного человека.

Итак, в свете всего этого, он пытается разработать концепцию идеального государства, и можно предположить, что идеальное государство — это государство, которое функционирует должным образом. Функционирует должным образом с учетом природы государства и его надлежащей цели. Другими словами, что такое справедливое общество? Что такое справедливое общество? Справедливое общество — это общество, рационально устроенное во благо общества.

Что рационально упорядочено во благо общества. Да. Что такое справедливый, хороший человек? Тот, чьи эмоции должным образом упорядочены во благо общества.

Я имею в виду, ради его же блага, ради общего блага. Таким образом, государство в этом смысле — это индивид в увеличенном масштабе. Оно

должно быть должным образом упорядочено ради общего блага, и здесь параллель с Платоном начинает угасать.

Как вы помните, Платон отвергал существующие формы правления как неподходящие, несправедливые и нестабильные. Аристократия, демократия, тирания, олигархия — ни одна из них не работает. Поэтому он установил единственный в своем роде политический идеал под властью философов-правителей.

Теперь я подозреваю, что это потому, что идеал Платона существовал только в трансцендентном небе платоновских форм. Для Аристотеля формы существуют только в мире частных. Частицы несовершенно актуализируют формы.

Таким образом, могут существовать различные конкурирующие, несовершенные воплощения идеального государства. Понимаете? Поэтому Аристотель открыт для альтернативных политических конституций. Альтернативных вариантов.

Его не интересует идеальная структура справедливого общества. Его больше волнует надлежащее функционирование любого общества: семьи, образования, экономических институтов, таких как рабство и торговля в его время, и тому подобное. Надлежащее функционирование на благо общества.

И поскольку его представление о благе заключается в полноценной жизни в соответствии с разумом, то образование, которое он хотел получить, — это то, что мы бы назвали либеральным образованием для полноценной жизни в соответствии с разумом. Видите ли, оно должно охватывать все сферы жизни. Таким образом, политическое мышление Аристотеля в то время было очень и очень ясным.

Мне кажется, что в нашей стране многие представления о политике скорее платоновские, чем аристотелевские, в том смысле, что мы склонны считать, что существует только одна возможная форма справедливого общества, а именно такое, как американское, вместо того, чтобы признать существование множества жизнеспособных альтернатив. А что насчет искусства? Что насчет искусства? Здесь снова наблюдается первоначальное и несколько мимолетное сходство с Платоном, когда мы видим, что он говорит об искусстве как о своего рода подражании. Но на этом сходство заканчивается.

По мнению Платона, искусство должно подражать форме, трансцендентной форме. Поэтому искусство, имитирующее частное, индивидуальное, даже таких личностей, как Сократ, вдвойне оторвано от реальности, потому что индивид — это всего лишь он сам, копия формы. Но что касается Аристотеля, то искусство — это не подражание форме, а подражание жизни, или, как это часто переводят, и

чтобы отличить его от Платона, этот термин уместен, искусство — это репрезентативное искусство, да, но репрезентативное изображение жизни, персонажей, их эмоций.

Представьте себе, как можно имитировать их эмоции, изображать их эмоции. Именно от этого Платон предостерегал, когда речь шла о публичных чтениях и декламациях, об имитации чужих эмоций. Понимаете? Изображение персонажей, их эмоций, их действий, потому что универсальное можно увидеть только в частном, понимаете? И поэтому искусство помогает вам сфокусироваться на этом накопленном опыте, чтобы вы могли сказать: хорошо изображенный персонаж, да, разве мы все не такие? Разве мы все не такие, понимаете? Потому что гениальность хорошего искусства заключается в том, что оно помогает увидеть нечто универсальное в частном.

В этом смысле он считает поэзию, которая является формой искусства, более научной, чем история. Это может показаться странным, потому что мы так не думаем, но в его время он рассматривал историю как простое изложение отдельных деталей, хронику, не более того, рассказывание историй, тогда как поэзия, поскольку она отражает нечто универсальное, ближе к тому, что он называет наукой, то есть к теоретическому мышлению, мышлению в терминах универсальных принципов. То, что мы называем художественной критикой, критикой форм искусства, художественной критикой и критериями художественной критики, функционирует именно с этой целью.

Речь идёт о воздействии изображения эмоций на зрителя. Так, когда речь заходит о драме, например, он излагает соответствующие формальные характеристики хорошей драмы, его волнует эмоциональное воздействие. Хорошая трагедия должна вызывать катарсис, особенно эмоций страха и жалости, которые так легко могут выйти из равновесия и лишиться нас мужества.

Да, сэр. Катарсис — это очищение эмоций, так что в хорошей трагедии пробуждается жалость, пробуждается страх, и эти эмоции затем высвобождаются в результате трагедии, и эмоциональная жизнь, так сказать, очищается, и мы, следовательно, можем на время освободиться от этих эмоций и жить жизнью, более соответствующей разуму. Идеал, безусловно, менее созерцателен по отношению к искусству, чем Платон с его созерцанием самой красоты.

Что ж, я надеюсь, вы видите в политической теории и искусстве то, как лежащая в её основе метафизика порождает результаты. Помните диаграмму, с которой мы играли, с Платоном? Разберитесь сразу с метафизикой, а эпистемология, конечно же, является её следствием. Но то, как вы это узнаете, зависит от того, о чём именно вы говорите, и из этого, как правило, вытекают политическая

мысль, эстетика, этика, теория образования и всё остальное, и Аристотель — ещё один из таких классических примеров.

Вот что я хотел сказать об Аристотеле. Теперь твоя очередь, Дэвид. Для Аристотеля знание добра на самом деле не равнозначно совершению добра, потому что воля играет гораздо большую роль, чем выбор.

Да, думаю, это верно. Знание о хорошем не гарантирует успеха. Нужно сделать выбор.

В трудах Аристотеля больше внимания уделяется свободе выбора. Вы говорите, что знание добра не гарантирует совершения добра, и часто встречаются авторы, которые утверждают, что для Сократа и Платона знание добра означает возможность его совершения. Да, Сократ говорит что-то подобное в какой-то момент, но я не думаю, что это вся правда, поэтому я не думаю, что это верно даже для Сократа и Платона.

И я говорю это по следующей причине. Если вы прочитаете «Республику» Платона, а вы, конечно же, сделаете это в один из этих дождливых дней, то, читая «Республику», вы обнаружите, что он говорит о подготовке людей к правлению с помощью разума, о подготовке царей-философов, мудрых людей, которые правят разумом.

Оказывается, для знания существуют моральные предпосылки. Но если для знания существуют моральные предпосылки, как же знание может быть тем, что делает возможным совершение добра? Понимаете? Только научившись самоконтролю и обретя смелость, вы будете готовы изучить диалектику, которая необходима для познания вечной истины. Таким образом, для способности к познанию существуют эмоциональные и моральные предпосылки.

Значит ли это, что если ты знаешь добро, то автоматически его совершаешь? Нет, если серьезно отнестись к мифу о Федре. Ты можешь пилить чердак своей колесницей, и заблудившийся конь может опрокинуть всю конструкцию, и ты все испортишь. Понимаешь, ты не совершаешь добро.

Поэтому я думаю, что если учесть всю платоновскую картину, то это не происходит автоматически. Если люди знают, что хорошо, они будут это делать. Ах да, есть еще один аспект, который следует учитывать: Платон не говорит о каком-то отстраненном и свободном от ценностей знании.

Он говорит о любви к истине, помните? И, возможно, если вы действительно любите истину, вы будете делать то, что она требует. Они не обладают знанием в смысле отстраненного, объективного, безличного осознания. А что еще об

Аристотеле? Сравнивая Платона и Аристотеля, я, как правило, склонялся к тому, чтобы считать Аристотеля продолжением и улучшением мысли Платона, но в отношении морали и этики, кажется, он утратил трансцендентный моральный императив, который был у Платона, поскольку, похоже, он прагматизировал все в этой трансцендентной части, мистический аспект просто отсутствует, а он, кажется, так необходим в морали.

Прагматизм против мистицизма. Да, знаете, я, наверное, соглашусь с вашей точкой зрения, раз уж я её вам высказал, что этика Платона послужила толчком для средневекового мистицизма, но я не согласен с прагматизмом. Видите ли, прагматизм определяется убеждениями тех, кто ввёл этот термин.

В частности, Джон Дьюи. Прагматизм — это точка зрения, согласно которой мы рассматриваем моральные убеждения и ценности как простые инструменты для достижения временных целей. Для прагматизма это всегда краткосрочные цели.

Мы стремимся не к чему-либо конкретному, а к какому-либо общему благу. Дьюи настаивает на том, что никакого внутреннего блага не существует. Всё является инструментальным.

Но это не Аристотель. Для Аристотеля существует внутреннее благо. Видите ли, нормальное функционирование человека само по себе является благом.

Видите ли, его представление о высшем благе, о самом главном благе, прежде всего, заключается в том, что оно должно быть изначально благим, а не просто инструментальным, и Дьюи с этим не согласился. Теперь я подозреваю, что, выдвигая дизъюнкцию прагматизма и мистицизма, вы, имея в виду имманентные формы, спрашиваете: есть ли у него какой-либо действительно универсальный идеал? Видите ли, те, у кого его нет, — прагматисты. Ну, Аристотель не прагматист, но есть ли у него какие-либо универсальные идеалы? Да, есть.

Чтобы быть абсолютистом в вопросах этики, не обязательно быть платоником. Понимаете, что абсолютное благо — это полноценная жизнь в соответствии с разумом и добродетелью. Понимаете, добродетели — это благо.

Вам следует стремиться к добродетелям. Он в этом недвусмысленно утверждает. Почему? Потому что, хотя формы и существуют в частных случаях, они всё же являются универсальными принципами.

Видите ли, вам не обязательно иметь трансцендентные универсалии, чтобы иметь универсалии, достаточно, чтобы они существовали. Понимаете,

противоположность относительному — это универсальное. Видите ли, Аристотель это понимает.

Теперь, если вы скажете: «О, но он не дает нам целого набора абсолютных правил, по которым нужно жить», — нет, но он дает нам абсолютные добродетели, которым нужно следовать, понимаете, потому что его этика — это этика добродетели, а в этической теории мы не сталкиваемся с подсчетом абсолютных правил, по которым нужно жить, до XVIII века. Дело в том, что, хотя существуют, да, универсальные моральные идеалы, и определенные правила вытекают из них, если этика является телеологической этикой, она должна быть в первую очередь ориентирована на конечную цель.

Честно говоря, я думаю, что именно в этом и заключается суть библейской этики. Я думаю, она ориентирована на конечную цель. Видите ли, библейская мораль говорит о том, что целью является подобие Христу.

Вы скажете: «Да, но ведь есть Десять заповедей». Да, конечно, но суть в том, чтобы любить Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею силою твоею, и всею ближнего твоего, как самого себя. Видите, вот о чём они.

Они просто говорят о том, что значит любовь, когда речь идёт о полноценной жизни. Это значит, что вы будете следовать Божьим замыслам в различных областях нравственной ответственности. А это значит, что есть определённые вещи, которые вы делать не будете.

В этом смысле, я думаю, Аристотель не прагматик. Нет. Есть ли у него какое-либо трансцендентное существо? Да, он — Бог.

Таким образом, благо в конечном счете связано с тем упорядоченным единством, которое поддерживает и укрепляет само существо Бога. Я не упомянул, возможно, следовало бы, что, когда он говорит о созерцательной мудрости, высшее созерцание — это созерцание того, кто непрерывно созерцает собственное созерцание. Созерцание Бога в этом смысле.

Итак, у него есть эта платоническая нотка, но без потустороннего направления, к которому склоняется более поздняя мистика, чего не было у Платона, а есть у позднейшей мистики. Понятно? Хотите вернуться к этому подробнее? О, да, наверное, нет. Иногда я замечаю, что на вводном курсе, где, знаете, у нас есть один день, посвященный Аристотелю, студенты часто говорят: «О, Аристотель — релятивист».

Видите ли, как они приходят к такому выводу? Потому что он говорит о поиске золотой середины, а не о точном определении того, что именно следует делать.

Понимаете, но сказать «найти золотую середину» — значит точно определить, что именно следует делать. А именно, говоря христианским языком, использовать дары, которые Бог вам дал, и принимать собственные решения, учитывая всю полученную информацию.